

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Акимова Е.В.** Обработка бивня на многослойной палеолитической стоянке Лиственка 2

ДИСКУССИЯ

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту

- Мегнин Л., Бар-Йозеф О.** Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита Леванта: последовательная или прерванная линия развития? 12
- С.Ю. Лев, Х.А. Амрханов.** Сравнительная характеристика и стилистический анализ статуэтки бизона с Зарайской стоянки 22

ИСКУССТВО

- Якобсон Э.** К вопросу об информативности петроглифических и погребальных памятников эпохи бронзы 32

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В.** Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) 48
- Кубарев В.Д.** Древние зеркала Алтая 63
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К.** Святылище на реке Жинишке и проблема первоначального вида кыпчакских изваяний 78
- Черных Е.Н.** Древнейшее горно-металлургическое производство на границе Европы и Азии: Каргалинский центр 88
- Цыбиктаров А.Д.** Центральная Азия на заре бронзового века (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья в конце III – начале II тыс. до н.э.) 107
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.** Комплекс памятников с руническими надписями в местности Кок-Сай в Кочкорской долине на Тянь-Шане 124

ЭТНОГРАФИЯ

- Туров М.Г.** Эвенкийский обряд “проводов медведя” как форма организации пространства 132

АНТРОПОЛОГИЯ

- Козловская М.В.** Системы питания и образ жизни первобытных и исторических сообществ охотников-рыболовов-собирателей 141

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ** 160

ОБРАБОТКА БИВНЯ НА МНОГОСЛОЙНОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ ЛИСТВЕНКА*

Введение

Изделия из бивня мамонта, найденные на палеолитических памятниках Сибири, привлекают внимание археологов на протяжении почти полутора веков – со времени открытия стоянки Военный Госпиталь под Иркутском. Сегодня самые яркие образцы изделий из бивня известны на классических памятниках мальтино-буретской культуры в Прибайкалье и на стоянке Усть-Кова в Северном Приангарье [Герасимов, 1935, 1941; Васильевский, Дроздов, 1983; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988]. На среднем Енисее находки из бивня сравнительно малочисленны, они воспринимаются как чужие в комплексах артефактов [Абрамова, 1979а, б; Ауэрбах, 1930; Сосновский, 1934]. Единственным пока памятником на Енисее, где представлены значительные материалы, характеризующие эту отрасль палеолитической индустрии, является стоянка Лиственка [Археология..., 1992].

Общая характеристика стоянки Лиственка

Многослойная стоянка расположена в 40 км юго-западнее г. Красноярска, на окраине г. Дивногорска на правом берегу р. Лиственки-Заречной, являющейся правым притоком р. Енисей (Средняя Сибирь, Красноярский край, 56° с.ш.). Стоянка открыта в 1982 г., изучалась отрядом Красноярского пединститута совместно с Лабораторией археологии и палеогеографии Средней Сибири ИАЭТ СО РАН под

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 98-01-12018в.

руководством Н.И. Дроздова (1983 – 1986 гг.) и Е.В. Акимовой (1987 – 1997 гг.). На памятнике выделено более 25 культуросодержащих горизонтов (по нумерационной шкале памятника культурные слои 1 – 20), залегающих в толще переслаивающихся песков и алевритов, вероятно, древней террасы Лиственки-Заречной.

В раскопе 3 вскрыт следующий разрез (по В.П. Чеха) [Археология..., 1992] (рис. 1):

1. Современная подзолистая почва. Мощность слоя 0,5 – 1,0 м.
2. Пески тонкозернистые с пятнистой окраской (ожелезненные), бескарбонатные. Мощность слоя 0,4 – 0,8 м.
3. Супеси светло-серые, белесые, пылеватые, карбонатные. На отдельных участках фиксируется неясная наклонная слоистость. В подошве слоя по жильным льдам сформированы псевдоморфозы, имеющие двухъярусное строение, глубину около 2 м и ширину у устья до 1 м. Они прорывают отложения слоев 4 и 5. В отложениях зафиксированы культурные слои 1 и 2. Мощность слоя 0,2 – 1,0 м.
4. Переслаивание серых тонко-, мелкозернистых глинистых песков, алевритов. Слоистость линзовидно-волнистая, прерывистая, подчеркиваемая линзочками разнозернистых песков и белесых супесей. Залегание слоя наклонное – от 10° в месте прилегания осадков к коренным породам до 3° к западу с увеличением мощности от 0,4 до 0,7 м.
5. Переслаивание серых, желтовато-серых тонко-, мелкозернистых песков и алевритов. Слоистость наклонная, волнистая, менее отчетливая, чем в слое 4, но более упорядоченная и выдержанная. Слой имеет

наклонное залегание, более крутое (7°) у выступа коренных пород и к западу выволаживается с некоторым увеличением мощности (от 1,2 до 1,4 м). Слой содержит культурные слои 4 – 8, залегание которых в целом согласное с напластованием осадков.

6. Переслаивание серых, светло-серых, желтовато-серых тонко-, мелкозернистых песков и алевритов. Осадки и в верхней части по характеру достаточно однородны, ниже приобретают отчетливую наклонную, а в центральной части понижения – горизонтальную слоистость. Мощность слоев 0,5 – 1,5 см. Имеются прослойки сизовато-серых илестых суглинков, хорошо промытых разнозернистых песков, дресвы и щебня с песчаным заполнителем мощностью до 10 см. У выступа коренных пород проявляются дополнительные дресвяно-щебнистые прослойки и линзы. Зафиксированы единичные морозобойные трещины шириной 5 – 30 см, прослеженные от кровли слоя до глубины 2,6 м. В слое имеется 11 культурных слоев позднего палеолита, согласных с общим напластованием осадков. Мощность слоя 3,0 м.

7. Щебень, галечники, мелкие глыбы гранитоидов и роговиков с дресвяно-гравийно-песчаным промытым заполнителем. Отложения плохо сортированы, имеют грубую горизонтальную слоистость. Отложения как подстилают песчано-алевритовую культуросодержащую толщу, так и ограничивают ее с запада. Видимая мощность более 1 м.

Накопление нижней части песчано-алевритовой толщи происходило, по-видимому, в водном проточном бассейне, о чем свидетельствует хорошая промытость осадков. Кроме того, для данной толщи характерны сортировка, слоистость. Выше осадки имеют признаки делювиального накопления (слои 5 – 3).

Стоянка, расположенная выше древней стрелки притока Енисея, зажатого с обеих сторон крутыми скальными склонами, очевидно, представляла собой удобный пункт для охоты на крупных стадных животных, тяготеющих к лесостепному ландшафту. Практически 90% всех костных остатков принадлежит бизону.

Орудия из бивня мамонта

Разрозненные кости и крупные фрагменты скелета не менее чем от двух особей мамонта, лежавшие нередко в анатомическом порядке, обнаружены только в нижних (19-й и 20-й) культурных слоях. В вышележащих слоях в единичных экземплярах были найдены сильно минерализованные массивные обломки трубчатых костей, значительно отличающиеся по сохранности от других фаунистических остатков. Редкие обломки бивня отмечены в культурных слоях 15А и 12Г, в то время как изделия из бивня встречены в культурных слоях 19, 12Г, 10, 7, 4 и 2.

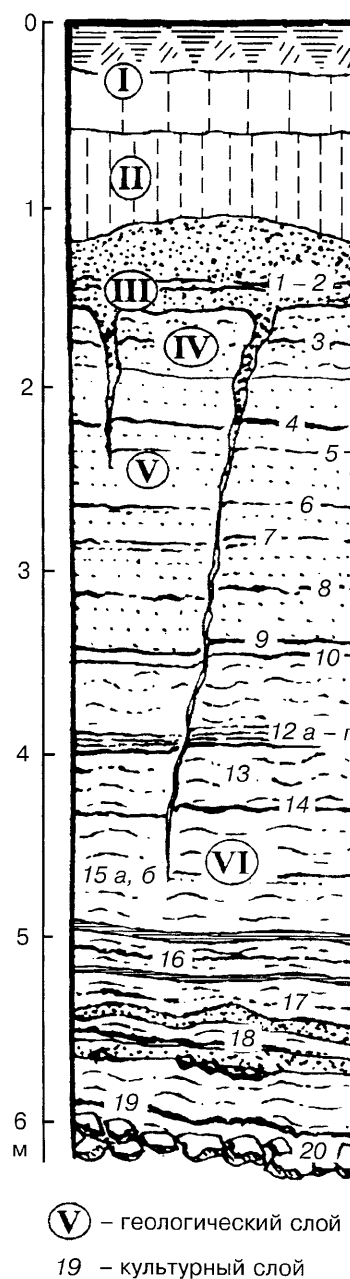

Рис. 1. Обобщенный стратиграфический разрез. Лиственка.

По последним данным, на территории Красноярского района мамонты обитали, по меньшей мере, до 13 тыс. л.н., в районе Лиственки достоверные остатки, относящиеся ко времени не позднее 16 тыс. л.н., не отмечены. В этой связи можно предполагать, что обломки костей и бивней древние обитатели края извлекали из более древних горизонтов, а свежие бивни приносили со стороны и использовали как ценный поделочный материал. Очевидно, они могли находить и более древние изделия из бивня и подвергать их доработке.

В ходе археологических работ в 1992 – 1993 и 1996 – 1997 гг. в культурном слое 19 был открыт крупный хозяйственный комплекс (жилище-мастерская) с каменной обкладкой, вполне отчетливо локализуемыми местами обработки камня, шкуры и бивня, многочисленным и разнообразным каменным и бивневым инвентарем [Акимова, 1995, 1998]. Для самого слоя получена дата $16\ 640 \pm 350$ л.н. (СОАН-3734), но для подстилающего (культурный слой 20) – $16\ 300 \pm 600$ л.н. (ГИН-6093) и $20\ 610 \pm 380$ л.н. (СОАН-4795).

Каменная индустрия характеризуется техникой изготовления орудий на мелких и средних по размеру (2 – 7 см) пластинах и пластинчатых сколах (резцы, скребки, микропластины-вкладыши, разнообразные скребущие, скоблящие, режущие формы, в т.ч. выемчатые орудия). Пластины снимались с одноплоскостных нуклеусов с сильно выпуклым фронтом. Перевод снятий на торец уже фиксируется, но клиновидные нуклеусы отсутствуют [Горельченкова, Поплевченко, 2000].

В южном секторе жилища (1996 – 1997 гг.) было найдено более 200 фрагментов обработанного бивня. Как правило, это небольшие по размеру обломки, демонстрирующие известные способы расчленения и раскалывания бивня. Найдены классические отщепы, в сечении утончающиеся от центра к краям, с раковистым изломом, негативами предыдущих снятий, а также массивные узкие пластины-блоки с отвесными прямыми краями, возможно, предварительно прорезанными по предполагаемому контуру будущего скола. В ряде случаев крупные куски раскалывались повдоль. Сохранились фрагменты со следами зарубок и последующего разламывания. Мало крупных сколов, на внешней поверхности которых сохранялся бы наружный слой бивня. Вероятно, на данном участке происходило раскалывание (причем раскалывание до предела) одного массивного куска бивня, что никак не может быть связано с дефицитом сырья на стоянке.

Многие обломки на поверхности имеют следы строгания, резания, шлифовки и подбивки по краям. Необычно выглядят обломки бивня с короткими (до 3 см) прямыми V-образными пазами необъяснимого назначения. В одном случае пазы прорезаны по обеим сторонам обломка (рис. 2, 13). Подобные, но значительно более узкие и мелкие пазы были отмечены и на поверхности двух острий (рис. 2, 10, 12).

Коллекция изделий из бивня, обнаруженных в культурном слое 19, на сегодняшний день насчитывает 18 предметов, разных по степени готовности и сохранности.

Найдены десять обломков острий, овальных и овально-подтреугольных в сечении. Они, как правило, довольно небрежно выструганы из скола бивня и подшлифованы по всей или большей части поверх-

ности (рис. 2, 3 – 5, 9 – 11). Обломки в длину не более 5,5 см (как исключение – до 12 см) при максимальной ширине 3 – 5 мм. Единственное целое острие длиной 9 см изготовлено из тонкой пластины (см. рис. 2, 9). На нем следы подшлифовки отмечены только на кончике орудия. Вероятно, именно подобные острия (“шильца”) были найдены М.М. Герасимовым на Мальте [Герасимов, 1941].

Из крупного бруска бивня тщательно выстругана и частично зашлифована заготовка изделия, похожего на известные антропоморфные фигурки (рис. 2, 7). На одной стороне показаны, по нашему мнению, слегка округлый живот, длинные ноги, глубоким угловатым вырезом выделена паховая область. На другой стороне просматривается спина с легким прогибом в поясице, а в нижней части прочерчены два продольных несмыкающихся встречных паза. Один подобный паз (если учесть, что могла произойти техническая ошибка и две линии не слились в одну, как предполагалось) мог быть интерпретирован как прием, позволяющий передать в подобной проекции сразу обе ноги. Признаки пола не выражены. Верхняя часть предмета (на уровне предполагаемого плечевого пояса) обломана, видимо, в процессе изготовления. Длина изделия 19,7 см, ширина и толщина соответственно 3,4 – 1,3 и 1,8 – 1,1 см.

Особого внимания также заслуживают два предмета, найденные в 6 м друг от друга. Они четко различаются по размерам, сохранности, но имеют черты сходства. У одного из них, чрезвычайно близкого по форме и размерам (длина 6 см) метоподию зайца, одна из головок “эпифизов” имеет идеально округлую в плане и овальную в сечении форму ($1 \times 1 \times 0,5$ см) (рис. 2, 1). Переход от головки к центральной части (“шейка”) плавный, несколько асимметричный. Функционально данный предмет, на первый взгляд, может быть интерпретирован как пуговица или элемент какой-то застежки. Другое изделие (обломок заготовки?) представляет собой собственно головку с близким соотношением параметров ($2,1 \times 2,3 \times 1,4$ см) (рис. 2, 2). В зоне “шейки” прослеживается та же асимметрия. Возможности для интерпретации здесь обширны: от более массивной пуговицы до обломка антропоморфной фигурки. Возможно, оба предмета были сделаны одним и тем же мастером.

Из крупной пластины, снятой с наружной части бивня, вырезано орудие в виде асимметричной лопатки на длинной массивной рукояти (рис. 2, 8). Длина изделия 32 см, ширина и толщина рабочей части соответственно 7,5 и 1 см, рукояти – от 4 до 1,6 и 2 см. Поверхность изделия, особенно на тыльной стороне, почти полностью зацементирована слоем карбонатного песка. Песок также проник под отслоившийся тончайший верхний слой бивня, несколько “раздвинув” границы изделия и деформировав его.

Можно предположить, что при изготовлении сама рабочая часть предмета имела асимметрично-овальную форму с ровно срезанными и подшлифованными краями. При сегодняшней сохранности предмета говорить о происхождении и характере подшлифовки краев очень трудно, однако на выпуклой стороне лопатки эта мягкая заглаженность края (следы обработки шкуры?) прослеживается достаточно четко. Конеч лопатки неровный по форме, с двумя овальными выступами, что может быть связано с механическими повреждениями. Рукоять орудия сохраняет широкие рельефные негативы срезов на тыльной стороне и обоих краях. На внешней поверхности видны следы поперечного скобления (срез?). Конеч рукояти заострен асимметричным (в боковой проекции) клином.

В качестве обломка наконечника копья может быть интерпретирован диагональный фрагмент шлифованного изделия конической формы ($14 \times 2,2 \times 2,2$ см) (рис. 2, б). Кончик изделия тупой, с явными следами повреждения. По всей длине выскоблен сегментовидный в сечении желобок: у кончика он широкий и глубокий (8 и 5 мм), в зоне ближе к концу фрагмента он пропорционально уменьшается (соответственно 3 и 1,5 мм).

Из отдельных обломков и расщепившихся пластин бивня удалось собрать фрагменты неопределимых заготовок изделий, а также фрагмент изделия с коническим в сечении зашлифованным концом.

Данные о расположении большинства предметов в культурном слое являются дополнительным и весьма значимым источником информации: лопатка находилась у "стены" на камне обкладки и была придавлена другим камнем, обломок наконечника и заготовка статуэтки оказались воткнутыми в грунт рядом с центральной ямкой, остря, "головка", обломки с пазами были разбросаны в наиболее насыщенной отходами производства и орудиями части жилища.

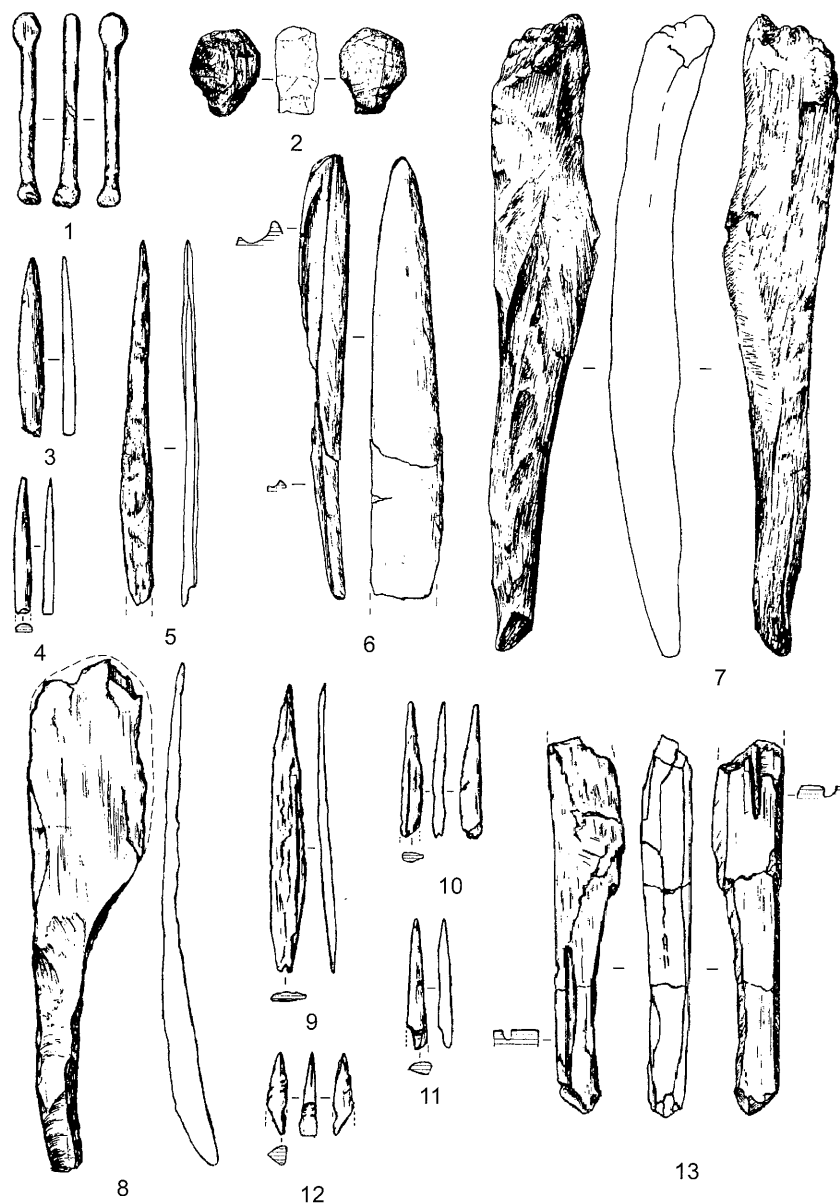

Рис. 2. Изделия из бивня мамонта. Лиственка. Культурный слой 19.
1 - "пуговица"; 2 - обломок изделия - "головка"; 3 - 5, 9 - 12 - остря; 6 - обломок наконечника с пазом; 7 - заготовка антропоморфного изображения (?); 8 - лопатка; 13 - фрагмент бивня с пазами.

Вызывает интерес тот факт, что скопление фрагментов обработанного бивня концентрируется рядом с ямкой неправильно овальной формы ($90 \times 65 \times 18$ см) с пологими бортами, образующими несимметричные, неровные уступы. Заполнение маломощное, супесчаное, рыхлое, с вкраплениями древесного угля. В целом оно соответствует заполнению на прилегающих участках. Следов очага или прокала не обнаружено. В северной части отмечена тонкая линза охры. Дно углубления неровное. По бортам наклонно уложены крупный фрагмент локтевой кости, отросток позвонка и сколы с бивня мамонта, два фраг-

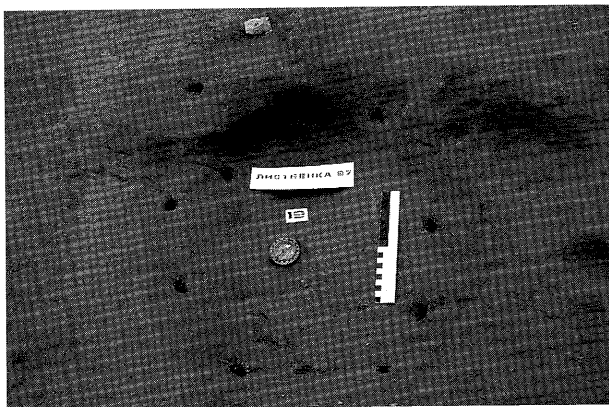

Рис. 3. Ямка для вымачивания бивня. Лиственка. Культурный слой 19.

мента ребра бизона. В самом заполнении найдены немногочисленные отщепы, сколы, мелкие осколки костей и бивня. Главная особенность углубления – 13 конических ямок диаметром около 2 см и глубиной от 1,5 до 4 – 9 см, выявленных при зачистке дна и бортов по сероватому контрастному заполнению (рис. 3, 4). Большинство ямок расположено в верхней части углубления или непосредственно по его кромке. В их размещении можно выявить определенную симметрию: участок, ооконтуренный ямками, имеет при развертке трапециевидную форму и вызывает ассоциации со шкуркой некрупного животного (зайца?), растянутой на вогнутой поверхности и закрепленной острыми колышками, которые были вбиты перпендикулярно бортам. Допустимым кажется и то, что колышки могли переставлять (поправляя или меняя шкурки), о чем свидетельствуют следы двух нечетких вдавлений.

Несомненно, что ямка не может быть интерпретирована ни как кладовочка, ни как углубление под очаг. Возможно, ямка, застеленная шкурой или кожей, использовалась в качестве резервуара для воды, необходимой при обработке бивня. При такой трактовке воткнутая рядом с ней в грунт поделка в виде антропоморфной статуэтки и располагавшийся рядом с ней резец (рис. 5, 2) могут свидетельствовать о том, что изделие находилось непосредственно “в работе”.

Факт существования подобной ямки позволяет объяснить функцию обломка массивного конического острия с желобком, вертикально воткнутого в грунт непосредственно у северной границы углубления. Столь странное положение обломка, возможно, было вызвано использованием его в качестве еще одного колышка, сохранившегося в отличие от остальных деревянных.

В культурном слое были найдены более 20 резцов и резчиков на пластинах и отщепах, 10 проколов, около 300 разнообразных отщепов, пластин и микропла-

стин с ретушью во всевозможных комбинациях. Поскольку на вскрытой площади достаточно четко прослеживаются участки, где осуществлялась обработка кожи, камня и бивня и многие каменные орудия имеют визуально различимые следы сработанности, можно предположить, что большинство орудий было связано именно с обработкой бивня (см. рис. 5).

Выше культурного слоя 19 единичные фрагменты бивня зафиксированы лишь в культурных слоях 15А и 12Г. В условиях сокращения количества сырья его ценность в глазах древнего мастера резко возрастала. Характерный для культурного слоя 19 утилитарный подход к бивню со временем сменяется чрезвычайной тщательностью работы и избирательностью в выборе предмета, достойного столь редкого материала.

В 1991 г. в культурном слое 12Г* было найдено оригинальное изделие из бивня, относящееся, очевидно, к категории т.н. жезлов начальника (рис. 6) [Акимова, Сидоренко, 1992]. “Жезл” имеет симметричную овально-вытянутую уплощенную форму, мягкие закругленные контуры. В качестве заготовки использован кусок крупного бивня, который был рассечен по диагонали и, возможно, прошел в дальнейшем стадии распрямления. Длина изделия 43 см, ширина 6 – 9 см, толщина 2,5 – 3 см. Величина и массивность “жезла” сочетаются с изяществом обработки и продуманностью его конструкции. На его поверхности сохраняются негативы срезов, сильно сглаженные последующей подшлифовкой. С одной стороны изделие выпуклое, с другой плоское. В центре выпуклой поверхности прослеживаются неглубокие кучные следы отесных ударов. Плоская поверхность сохранилась хуже, что объясняется, видимо, особенностью залегания предмета в слое. По продольной оси изделия расположены три биконических отверстия. Первое, у более узкого конца “жезла”, округлое (1,8 × 1,8 см), со стенками, полностью сохранившими следы грубой обработки режущим инструментом. В этой же части изделия находится второе отверстие – овальное (3,7 × 2,5 см). Третье отверстие сделано у более широкого конца “жезла” и имеет ровную, слегка округлую, чуть вытянутую форму (4,2 × 3,5 см), что подчеркивается слегка наклонными стенками. Стенки второго и третьего отверстий идеально зашлифованы.

Традиционные “жезлы” из рога северного, или благородного, оленя широко известны среди позднелеолитических находок из Европы, а также Сибири (долина Енисей – Афонтова Гора II, III, Кокорево I, III, Новоселово VII, Большая Слизнева, Лиственка) [Сосновский, 1934; Абрамова, 1979а, б; Археология..., 1992]. У них, как правило, одно овальное или округлое отверстие располагалось в зоне ответвления над-

* Для него получены даты: 13 100 ± 410 л.н. (ГИН-6965), 13 470 ± 285 л.н. (СОАН-3733), 13 910 ± 400 л.н. (СОАН-3833).

глазничного отростка. Бивень для изготовления таких “жезлов” использовали значительно реже (Костенки XXI), при этом оформлялась рукоятка для упора, которую, видимо, забивали в расклиненное дерево [Палеолит Костенковско-Борщевского района..., 1982]. Особенностью листовенского “жезла” из бивня является отсутствие этого элемента и наличие трех разных по размеру отверстий. Традиционно считается, что “жезлы” были выпрямителями древков копий или дротиков, а также оправ для вкладышевых орудий или заготовок иных изделий [Семенов, Коробкова, 1983]. Вполне возможно, что данная связанная с этим производственная операция имела для людей палеолита и какое-то ритуальное значение. Этим, видимо, можно объяснить тот факт, что в Западной Европе некоторые выпрямители украшали орнаментом или изображением животных. В нашем случае уникальность предмета, значимость его функции могли подчер-

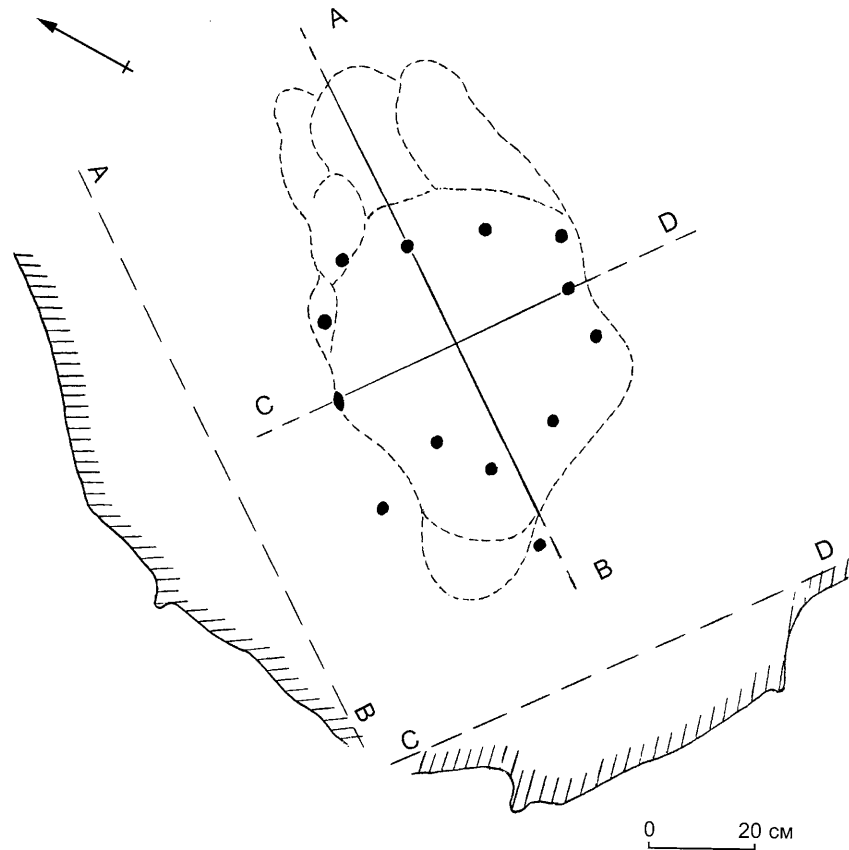

Рис. 4. План и разрезы ямки. Лиственка. Культурный слой 19.

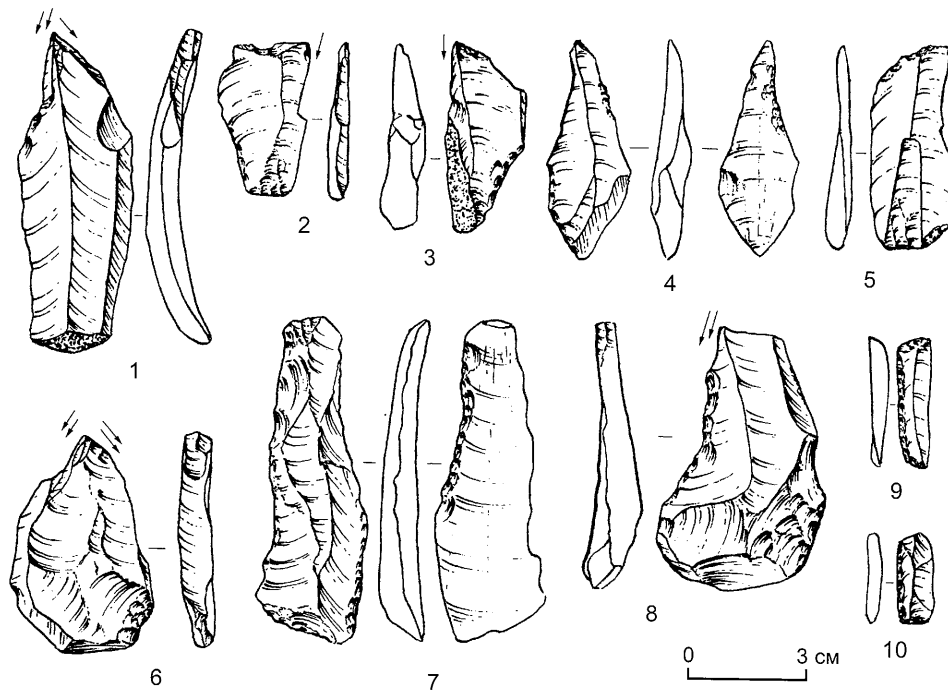

Рис. 5. Резцевидные и режущие орудия. Лиственка. Культурный слой 19.

квиваться избранием столь трудоемкого вида сырья. Однако оригинальность конструкции листовенского “жезла” не позволяет ограничиться столь односложным толкованием. Интерес вызывает и наличие трех разных отверстий, их группировка, “свободный” участок со следами забитостей, отсутствие какого-либо видимого упора для проведения действий, связанных с физическими усилиями, и явных следов сработанности от воздействия древка, наклонно вставленного в отверстие.

С культурным слоем 12Г связаны также нижняя челюсть ребенка *Homo sapiens* и очаг со стоящими вертикально вдоль стенок плоскими камнями, заполненный зубами и фрагментами костей бизона в идеальной сохранности, не характерной для плейстоценовых памятников. В 1,5 м южнее “жезла” был обнаружен комплекс из трех сближенных очажков, одинаковых по размерам и расположенных по одной линии в направлении север – юг. Здесь же зафиксировано небольшое рассеянное скопление колотого бивня, в составе которого отмечены единичные фрагменты со следами резания и скобления, обломок крупного изделия (по характеру обработки подобно жезлу), расколотая “головка” (4 × 4 × 4 см) – грубо оббитая заготовка шарообразного изделия (или изделия с шарообразным навершием) и маленький конический фрагмент изделия со следами подрезки и разлома на обоих концах.

Каменный инвентарь культурного слоя 12Г отличается крупными орудиями, использованием массивных отщеповых и пластинчатых заготовок. Характерный афонтовский ансамбль (массивные скребла, округлые скребки) включает, однако, и четкие серии остроконечников на пластинах, крупных срединных резцов (рис. 7), микропластин-вкладышей без следов обработки. Кроме того, в нем представлены плоские (“кокоревские”) пазовые орудия из рога с сочетанием прямых и волнистых (“афонтовских”) линий на внешней поверхности.

Каменную индустрию культурного слоя 10 представляют серии скребков, остроконечников и двойных многофасеточных резцов на крупных пластинах, что не вызывает никаких сомнений в их принадлежности к кокоревской археологической культуре. Единственный предмет из бивня мамонта – идеально круглый в сечении стерженек с удлиненным зауженным “носиком”. Тщательная шлифовка не отмечена, на поверхности четко просматриваются продольные следы резца. Интересно, что стерженек был зафиксирован в вертикальном положении севернее очага, на участке, почти полностью свободном от находок. По характеру каменного инвентаря, сосредоточенного юго-восточнее очага, можно предположить, что здесь производилась обработка шкур и кости. Если это верно, то стерженек, независимо от его изначальной функ-

циональной принадлежности, мог использоваться и как один из кольшков для закрепления на земле направленной и растянутой шкуры.

В культурном слое 7 (около 13 тыс. л.н.) на участке, где располагались только немногочисленные фрагменты колотых трубчатых костей и единичные отщепы, была найдена серия предметов из кости: пазовое орудие из рога с вкладышем, обломок шила, три обломка игл и оригинальное кинжаловидное орудие из бивня. Орудие удлиненное, изогнутой в плане формы (29,7 × 3 × 0,9 см), с трапециевидно вырезанным основанием и длинным узким острием (рис. 8). На выпуклом крае прорезан непривычно крупный, глубокий и широкий (соответственно до 5 и 3 мм) паз, явно не предназначенный для удержания стандартных микропластин. Большая часть поверхности орудия была, вероятно, обработана крупным каменным инструментом типа скобеля с широким вогнутым рабочим краем, оставившим поперечные ребристые следы. Интенсивной шлифовкой на одной стороне практически ликвидированы неровности. Идеально зашлифовано также острие на противоположной более выпуклой стороне (до 1/4 длины всего изделия). В зоне четко вырезанного трапециевидного основания поверх шлифовки сделано несколько сострогов, очевидно, с целью несколько смягчить резкость контуров. Аккуратно подрезан и обломан конец основания. Признаки попыток зашлифовать излом не прослеживаются. Качество обработки позволяет считать кинжал предметом, вполне уместным для какого-либо ритуального комплекса. Однако он был найден за пределами хозяйственной зоны среди сломанных или изношенных костяных предметов, разбросанных на площади около 4 м². Можно предположить начавшееся расслоение бивня, но трудно найти объяснение тому, что заставляло древнего человека выбрасывать в отдельное место исключительно костяные предметы.

В немногочисленном каменном инвентаре слоя не обнаружено изделий, которые можно было бы связать с обработкой бивня или рога. Преобладают крупные режущие орудия на пластинах.

В культурном слое 4, отнесенном нами к афонтовской культуре, у границ кострища была найдена овальная пластинка, срезанная поперек ствола бивня (4,2 × 2 × 0,4 см). Проявившаяся в разрезе структура бивня воспринималась, очевидно, как элемент украшения. Обе поверхности и края пластинки тщательно зашлифованы, но с обеих сторон просматриваются короткие параллельные и перекрещивающиеся насечки. Один конец имеет следы выкрошенности, что может быть следствием неудачного сверления.

В культурном слое 2 на участке, поврежденном многочисленными кротовинами, было найдено изделие в виде ковша (чаши) с короткой массивной ручкой (15,7 × 7,5 × 4 см) (рис. 9). Изделие имеет

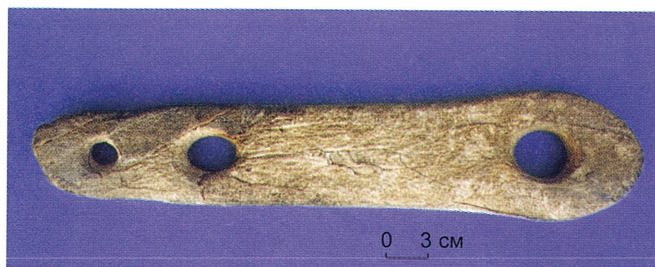

Рис. 6. “Жезл начальника”. Лиственка. Культурный слой 12Г.

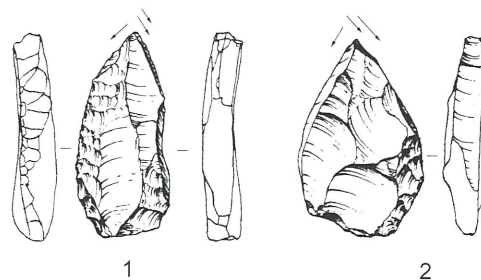

Рис. 7. Резцы. Лиственка. Культурный слой 12Г.

Рис. 8. Пазовый кинжал. Лиственка. Культурный слой 7А.

Рис. 9. “Чашка”. Лиственка. Культурный слой 2.

углубление правильной овальной формы, с ровными толстыми стенками и вогнутым дном. По форме и размерам (но не по сырью) этот предмет вызывает аналогии с “лампами”, известными по находкам из европейских позднепалеолитических памятников. Привлекает внимание явно вторичный характер использования изделия. Вся его поверхность, очевидно, полностью зашлифованная когда-то, несет на себе следы воздействия природной среды, сравнимые со следами коррозии. Исключением является дно углубления – сравнительно свежее, со следами работы орудием с широкой режущей кромкой. Цель дополнительной обработки (углубить дно, срезать вьевшиеся в поверхность следы предыду-

щего использования или убрать что-то, мешающее воспринимать изделие как емкость) определить невозможно.

В культурных слоях 2 и 4 не найдено резцевидных орудий, а также орудий, которые могли быть использованы в данном качестве.

Заключение

Анализ материалов Лиственки наглядно демонстрирует, что в эпоху раннекаменного века значение бивня как поделочного материала претерпело значительную эволюцию. Некоторая небрежность в изготовлении бытовых предметов, обилие брака и отходов,

типологическое и морфологическое разнообразие изделий характерны только для культурного слоя 19 Лиственки, соответствовавшего рубежу гыданской стадии и интерстадиала. Из бивня изготавливались довольно примитивные остря, а также предметы, имевшие для древнего человека огромную эстетическую, магическую и интеллектуальную ценность. В дальнейшем ситуация несколько меняется: хозяйственно-бытовое значение бивня окончательно замещается хозяйственно-ритуальным: из бивня делали только уникальные предметы, часто не имеющие аналогов на сопредельных территориях*. Такая очень общая схема рассуждений, видимо, не могла бы вызвать принципиальных возражений, если бы не явные культурные различия в индустриях стоянок (слоев). Наличие мамонта как объекта охоты не было гарантией расцвета в обработке бивня. Население Афонтовой Горы использовало бивень достаточно часто, хотя и несколько однообразно, а на памятниках кокоревской культуры (за исключением Лиственки) даже на ранних ее этапах вообще не известны сколько-либо значимые изделия из него. Можно предположить, что широкое использование бивня мамонта является определенным индикатором своеобразной технической традиции, охватывавшей всю Южную Сибирь, по меньшей мере, до Прибайкалья. Термин “мелкие пластинчатые индустрии”, используемый Н.Ф. Лисицыным [1996, 1997] и С.А. Васильевым [1996], нельзя считать очень удачным. Вполне корректным представляется термин “мальтино-буретский, или мальтинский, пласт”, уже используемый специалистами.

Сегодня, вероятно, следует вернуться к высказанной в первой половине – середине XX в. идее о западном происхождении данного “пласта”. Сибирь является крайней восточной территорией его распространения – памятники с мелкопластинчатой индустрией датируются здесь в интервале от 22 – 20 до 16 тыс. лет, в то время как в Западной и Центральной Европе – от 30 до 20 тыс. лет, в Восточной Европе – более 20 тыс. лет. Очевидно, что к приходу нового населения в Сибири должны были находиться носители иных традиций, в частности, техники торцевого скалывания и крупных пластин, имевшей локальную специфику. Последнее обусловило региональную индивидуализацию привносимой традиции обработки камня, кости, бивня, выразившуюся в своеобразии мелкопластинчатых индустрий Алтая, Енисея, Прибайкалья. Например, на среднем Енисее искусство обработки бивня на рубеже каргинско-сартанского времени представлено

* Необходимо учесть, что горный ландшафт, узкие распадки в окрестностях стоянки могли быть неудобными для мамонтов, и то, что бивень был редкостью, объясняется не только сокращением количества этих животных к концу сартанского времени, но и удаленностью удобных пастбищ.

только на стоянке Каштанка I, здесь найдены бусинки-пронизки, обломок браслета, фрагменты пластин бивня со следами обработки. В среднем и позднем сартане дальнейшее развитие этой культуры могло идти по разным направлениям. Реальным представляется ее растворение в местных культурах, хотя возможны и различные варианты смешения разных культурных традиций. Так, вероятным отдаленным “потомком” Мальты на северной Ангаре является Усть-Кова (средний и поздний комплексы), возраст которой представляется сейчас чрезмерно удревленным. Усть-Кова – это вариант пластинчатой каменной индустрии без вкладышевой техники и классических форм резцов, но с бифасами-клинками, что не характерно для памятников мелкопластинчатой индустрии. Развитая техника обработки бивня проявилась в стилизованном искусстве, в многочисленных и разнообразных украшениях (бусинки, браслет), в гравированных пластинах, в предметах неопределенного назначения (односторонневыпуклые диски) [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988]. На среднем Енисее искусство обработки бивня в среднем и позднем сартане сохранилось только в афонтовской культуре, но в более упрощенной форме, по сравнению с той же Мальтой. Просматривается определенная близость к памятникам пласта малоизученных позднесартанских (около 13 тыс. л.н.) местонахождений Абрашиха и Ближний Лог (Балахтинский р-н Красноярского края), где отсутствуют клиновидные нуклеусы, но имеются скребки высокой формы, микропластинчатые сколы с ретушью (Ближний Лог) [Акимова, Стасюк, Томилова, 1998].

На Лиственке каменная индустрия культурного слоя 19 не находит своего продолжения в более молодых комплексах. Вместе с тем явное сходство между культурными слоями 19 и 12Г можно увидеть в костяной индустрии: только этим слоям соответствуют признаки раскалывания, резания и шлифования бивня. При сравнительной немногочисленности готовых изделий в изобилии представлены обломки бивня. Важно отметить, что к культурному слою 12Г относятся также вкладышевые орудия с характерным сочетанием прямых и волнистых линий на поверхности, отмеченные только в культурном слое 14Б [Акимова, Вдовин, Макаров, 1996]. Даже учитывая частичную смешанность культурного слоя 12Г, соединение в едином комплексе каменного инвентаря, сочетающего в себе специфические признаки обеих “традиционных” енисейских культур, изделий из бивня, вкладышевых орудий с гравировкой и “кокоревских” очагов с каменной выкладкой представляется реальностью. Объяснить его локально-культурным или стадийным развитием вряд ли возможно. Таким образом, обработка бивня в палеолите Сибири может стать одним из ключей к решению вопроса о преемственности, сменяемости и взаимовлиянии археологических культур.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолит Енисея: Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979а. – 175 с.
- Абрамова З.А.** Палеолит Енисея: Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979б. – 200 с.
- Акимова Е.В.** Исследования многослойной позднепалеолитической стоянки Лиственка // Обозрение 1993 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 136 – 138.
- Акимова Е.В.** Позднепалеолитическое жилище-мастерская в 19 культурном слое стоянки Лиственка (Средний Енисей) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 301 – 309.
- Акимова Е.В., Вдовин А.С., Макаров Н.П.** Пазовые орудия Красноярского археологического района // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1996. – Вып. 1. – С. 62 – 82.
- Акимова Е.В., Сидоренко В.В.** “Жезл” с палеолитической стоянки Лиственка // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1992. – С. 56 – 59.
- Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А.** Археологическое изучение Дербинского залива (Красноярское водохранилище) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 6 – 11.
- Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян): Путеводитель международного симпозиума / Дроздов Н.И., Чеха В.П., Акимова Е.В., Артемьев Е.В., Кольцова В.Г., Бокарев А.А., Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Вдовин А.С., Орлова Л.А., Ямских А.Ф., Ларичев В.Е., Холюшкин Ю.П., Сулержицкий Л.Д. – Красноярск: Зодиак, 1992. – 130 с.**
- Ауэрбах Н.К.** Палеолитическая стоянка Афонтова Ш. – Новосибирск: Б.и., 1930. – (Тр. ОИС; Вып. 7).
- Васильев С.А.** Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – 225 с.
- Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И.** Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 244 с.
- Васильевский Р.С., Дроздов Н.И.** Палеолитические скульптурные изображения из Восточной Сибири // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 59 – 65.
- Герасимов М.М.** Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта. – М.; Л.: Б.и., 1935. – С. 78 – 124.
- Герасимов М.М.** Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // МИА. – 1941. – № 2. – С. 65 – 85.
- Горельченкова О.А., Поплевченко Н.А.** Техника первичного расщепления в 19 культурном слое стоянки Лиственка // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – Т. 1 – С. 56 – 58.
- Лисицын Н.Ф.** Средний этап позднего палеолита Сибири // РА. – 1996. – № 4. – С. 5 – 17.
- Лисицын Н.Ф.** Относительная и абсолютная хронология позднего палеолита юга Средней Сибири. – СПб.: Б.и., 1997. – 120 с.
- Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону (1879 – 1979).** – Л.: Наука, 1982. – С. 208 – 209.
- Семенов С.А., Коробкова Г.Ф.** Технология древнейших производств. – Л.: Наука, 1983. – С. 38 – 44.
- Сосновский Г.П.** Палеолитические стоянки Северной Азии. – М.; Л.; Новосибирск: Б.и., 1934. – (Тр. II конф. АИЧПЕ).

Материал поступил в редколлегию 12.03.02 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 903.01/09

Л. Мегнин¹, О. Бар-Йозеф²

*¹Центр по изучению предыстории, археологии и средневековья
Национальный центр научных исследований
Вальбон, Франция*

*CEPRAM-CNRS, UMR 6130, Sophia-Antipolis, 06560, Valbonne, France
E-mail: meignen@cra.cnrs.fr*

*²Отделение антропологии, Музей Пибоди, Гарвардский университет, Кембридж, США
Department of Anthropology, Peabody Museum, Cambridge, MASS 02138, USA
E-mail: obaryos@fas.harvard.edu*

КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ СРЕДНЕГО И ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЛЕВАНТА: ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНАЯ ИЛИ ПРЕРВАННАЯ ЛИНИЯ РАЗВИТИЯ?

Введение

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту в Леванте недавно приобрела особую значимость в палеолитоведении. Это обусловлено прежде всего уникальным географическим положением этого региона, расположенного на перекрестке путей из Африки в Азию. В пещере Кебара были представлены две пластинчатые индустрии – ахмарийская (примерно 43 – 42 тыс. л.н.), а также пластинчатая, характерная для верхнего палеолита (см., напр.: [Bar-Yosef et al., 1996]). До этого на Ближнем Востоке индустрии, традиционно называемые переходными, относились к раннему верхнему палеолиту [Marks, 1990; Kuhn, Stiner, Gülec, 1999]. Они зафиксированы в гроте Кзар Акил в Ливане [Bergman, 1987; Ohnuma, 1988; Bergman, Ohnuma, 1987; Ohnuma, Bergman, 1990; Azoury, 1986], а также на стоянке Бокер Тактит в Негеве [Marks, 1983; Marks, Volkman, 1983]. Коллекция артефактов из слоя 1 Бокер Тактита включает заготовки, почти соответствующие верхнепалеолитической технологии расщепления нуклеуса, для которой характерны систематическое снятие пластин и острий, повторное использование реберчатых пластин, а также массивных сколов, отделенных от короткого узкого фронта исходного нуклеуса (торцовые нуклеусы) (подробнее см.: [Meignen, 1996, p. 111 – 115]). Эта концепция объемного нуклеуса, получившая воплощение в верхнем палеолите, позволяет классифицировать индустрию слоя 1 Бокер Тактита как ранневерхнепалеолитическую (ср.: [Marks, Volkman, 1983]).

Чтобы выяснить, как зародилась верхнепалеолитическая технология – на местной основе или же она была результатом культурной диффузии, необходимо составить четкое представление о технических традициях среднего палеолита, в частности, о его последней стадии.

Средний палеолит Леванта

Благодаря исследованиям, проводившимся в последние 20 лет на Ближнем Востоке, удалось увеличить количество датированных комплексов, что способствовало расширению объема знаний об индустриях и хронологии среднего палеолита (см., напр., [Bar-Yosef, 1998]). В противоположность ранее существовавшим представлениям, новые данные указывают на то, что на Ближнем Востоке начальная стадия среднего палеолита приблизительно соответствует восьмой (или началу седьмой) стадии изотопно-кислородной шкалы [Mercier et al., 1995; Marks, Schwarcz, 1999]. Следовательно, она продолжалась более 200 тыс. лет.

Для того чтобы составить обобщенное представление об облике среднепалеолитических комплексов, бытовавших в течение столь длительного периода, важно учитывать следующее:

1. Самые ранние среднепалеолитические индустрии (т.н. тип Табун D) были зафиксированы на таких памятниках, как Рош Эйн Мор [Marks, Monigal, 1995], пещеры Хайоним (слой E (низ) и F), Абу Сиф [Meignen, 1998]. Каждая из их индустрий демонстрирует разно-